

...И тут я понял: за сохой Есенин в поле не ходил, не сеял, не жал. Он не крестьянин, он выходец из крестьянской среды, изгой. Труд, поэзия труда ему были совершенно чужды. В том основная причина его душевного и физического надлома. Идеал общества, построенного на совместном, радостном, созидательном труде, ничего не говорил ни уму его, ни сердцу... И единственный раз, когда он заговорил о жатве, о мольбе — о самом желанном, самом святом для крестьянина труде — сборе урожая, — этот труд воспринимается Есениным как проклятие, как преступное деяние:

*«Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей...»*

Только в последний год своей жизни он осознал свой долг перед темой труда и в двух стихотворениях: «Каждый труд благослови, удача!» и «Я иду долиной. На затылке кепи» — сказал об этом полным голосом.

Кончилось детство, начинаются отрочество, юность, и Есенин попадает из зажиточного дедовского дома на иждивение к отцу в Москве. Он готовится в Учительский Институт, но бросает на полпути учебу. К общественным наукам он проявлял полное равнодушие. Уже в 1919 году, когда при нем возникали беседы на политические темы, он сидел с лицом, на котором ясно было написано: «Эсеры, эсдеки... у нас, на луне, мы про это и не слышали...» «Ни при какой погоде» он книг на политические темы не читал.

Учителями его были замоскворецкие улицы. Вот здесь он живет, растет, воспитывается. Дух Замоскворечья начала 900 годов... Помесь мещанства и мелкобуржуазности. Торгашество и скопидомство, стяжательство и мотовство. Идеал молодого купчика — уличный герой, хулиган, ловкий вор и мошенник. Там он расстался со своей детской наивной верой в бога и святых:

*«Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе...»*

Но больше ничему его не научило Замоскворечье.

Освежающая буря 1905 года пронеслась мимо него: ему было тогда 10 лет. И отроческие его годы совпали с годами мрачной реакции. Эти черные годы, да еще пропитанные специфическим замоскворецким духом, формировали тогда его душевную строй, его юношеское сознание.

Обнаруженная недавно переписка его с другом по Спас-Клепиковской школе Григорием Панфиловым говорит о некоторых революционных настроениях Есенина, появившихся у него в связи с вступлением в Суриковский Литературный кружок и с работой корректором в типографии, но это были только настроения. Ясно осознанной политической линии у него в то время не было.

Какие могли быть у него идеалы, кроме идеалов улицы:

*«Если не был бы я поэтом,
То, наверное, был мошенник и вор.»*

Величайшим подвигом для него, истинным героизмом, стоившим ему огромного напряжения духовных сил — был его скачок в купель февральской революции. Он включился в нее, он нашел в себе сочувственную нотку. Это «Инония», «Иорданская голубица», «Отчарь», «Товарищ», «Певучий зов». Тут же сказалось влияние революционного Петрограда, где его застали февральские дни. Конечно, все эти февральские розовые краски политически наивны, густо смешаны с мистико-религиозными цветами, но все же они — преодоленный замоскворецкий дух. Но их хватало только на 8 месяцев — от февраля до октября...

Он после октября не повернул назад — «к старому возврата больше нет», он шел, прихрамывая, вперед. Трудно шагать в ногу с Октябрем, неся на себе такую тяжелую религиозно-монашескую замоскворецкую ношу. Вот с этим тягчайшим грузом на плечах он «догонял стальную рать». И, конечно, он свалился бы на первом же шагу, если бы не песенный дар. Он знал:

*«Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски...»*

И он пел — искренне, правдиво. Он так «рубцевал себя по нежной коже», так честно, перед всем народом, как на исповеди, раскрывал все, что в его душе было темного и светлого, что заслужил любовь и всепрощение.

Вот, если мы в свете его подлинной биографии, говорящей об исключительно тяжелом в моральном отношении детстве, проведенном в атмосфере лицемерно-хан-

жеского монашества и церковности, о столь же нездоровом отрочестве, вне спасительного влияния труда и учебы, на улицах купеческо-мещанского Замоскворечья, если мы в этом свете подойдем к его творческому пути, нам Есенин и его поэтическое наследие предстанут по-новому, по-иному. Мы будем поражены титанической силой его природного дара, преодолевшего столько преград на пути к достижению высшей формы человеческого общения на земле — всепокоряющего песенного слова. И в этом слове сказались такая безмерная любовь к нашей родной земле, к человеку на этой земле, к каждой травке, и каждой былинке на ней, что этого источника любви и преданности Родине хватит на много-много поколений.

Одно время нравилась ему в Батуме «Мисс Оль», как он сам ее окрестил. С его легкой руки это прозвище упрочилось за ней. Это была девушка лет 18-ти, внешним

Литературные новости - 1992 - с. 92 (м.)

Лев
ПОВИЦКИЙ

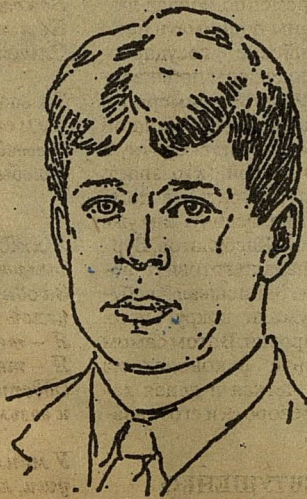
Сергей

Есенин

В ЖИЗНИ

И ТВОРЧЕСТВЕ

(Начало в №№ 3 — 5, 9)

видом напоминавшая гимназистку былых времен. Девушка была начитанная, с интересами и тяготением к литературе, и Есенин встретил восторженно. Они скоро сошлись, и Есенин заговорил о браке. То, что он перед отъездом из Москвы обручился с Софьей Андреевной Толстой, он, по-видимому, успел забыть.

«Мисс Оль» была в восторге: быть женой Есенина! Этому браку, однако, не суждено было состояться. Я получил от местных людей сведения, бросавшие тень на репутацию как «Мисс Оль», так и ее родных. Сведения эти вызвали предположения, что девушка и ее родные причастны к контрабандной торговле с Турцией, а то еще, может быть, и к худшему делу. Я об этом сказал Есенину. Он бывал у нее дома, и я ему посоветовал присмотреться внимательнее к ее родным. По-видимому, наблюдения его подтвердили мои опасения, и он к ней стал охладевать. Она это заметила и, в разговоре со мной, дала понять, что я, очевидно, повлиял в этом отношении на Есенина. Я не считал нужным особенно оправдываться. Как-то вскоре вечером я в ресторане увидел за столиком Есенина с «Мисс Оль». Я хотел пройти мимо, но Есенин меня окликнул и пригласил к столу. Девушка поднялась и, с вызовом глядя на меня, произнесла:

— Если Лев Осипович сядет, я сейчас же уйду.

Есенин, иронически улыбаясь прищуренным глазом, медленно протянул:

— Мисс Оль, я Вас не задерживаю... «Мисс Оль» ушла и Есенин сней порвал

окончательно. След о ней остался в стихотворении Есенина:

*«Ты меня не любишь, не жалеешь...
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти млеешь,
Мне на плечи руки опустишь.»*

*Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?*

*Знаю я — они прощали, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня...*

В Батуме в это время подвизалась труппа «Свободного балета» из Москвы. Мы, естественно, усердно посещали балетные вечера и подружился с руководителем студии балетмейстером Лукиным Л. И.

Есенин со всего размаху стукнул стаканом по бокалу гостя, вино облило тому костюм. Инженер сделал вид, что не обращает на это внимания, и продолжал оживленный разговор. Есенин стал задевать его обидными замечаниями. Гость разозлился и также позволил себе резкость.

Есенин вскочил и сунул правую руку в карман. Это был его обычный прием, ничем не опасный для противника; оружия у него в кармане не было. Но этот прием помогал ему «на швабов ужас наводить». Инженер, боясь, что Есенин полез в карман за оружием, схватил со стола пустую бутылку и размахнулся ею. Но его опередил наш гостеприимный хозяин: тяжелой рукояткой своего револьвера он хватил инженера по голове. Тот упал, обливаясь кровью.

Конечно, банкет наш расстроился. Товарищи инженера взяли на руки пострадавшего и вынесли его из комнаты. Вызвали «скорую помощь», инженера увезли в больницу. Есенин стоял у стола с видом огорченного, но ни в чем неповинного человека. Я укоризненно взглянул на него. Он произнес:

— Лев Осипович, ты же видел, я его не тронул...

Финал этого происшествия был «обычно-есенинский». Недели через две инженер выздоровел и появился вечером в ресторане. Есенин его увидел и порывисто бросился к нему. После очень короткого объяснения я их увидел крепко целующимися и дружно чокающимися бокалами. Разве можно устоять против есенинской ласки?

В тот период мы не раз говорили, спорили о футуризме, со своей имажинистской школой он уже открыто распрощался и заявил об этом в печати. Футуризм Есенин осуждал, как одно из формалистических течений.

В Батум приехали футуристы, футуристы 2-го разряда. Поэты они были слабые, но шум подняли большой. Есенин был раздражен:

— Надо их гнать в шею! Что они путают честной народ!

Мы сообща решили устроить суд над футуристами. Мы составили обвинительный акт и опубликовали его в «Трудовом Батуме». Газета сообщила, что литературный суд, на основании этого обвинительного акта, состоится в местном театре.

К чести обвиняемых, они на суд явились. Зал был переполнен представителями советской общественности и учащимися. Избрали тут же состав суда, назвали прокурора, прочли обвинительный акт. Защищаться «подсудимые» пожелали сами.

В самый разгар «прений» в зале появилась Есенин. По договоренности со мной, он должен был выступить вторым обвинителем, подвергнув суровой критике произведения приезжих гастролеров, зачитанные ими на их шумном вечере. Но... Есенин был пьян. Он с трудом держался на ногах. Он подошел к сцене, где помещался суд, и обратился громко ко мне:

— Лев Осипович! Да пошли их всех на... Что ты связался с этой дрянью!

Публика, собравшаяся из интереса к судьбам советской литературы, недовольно реагировала на эту пьяную выходку. Мне пришлось сойти со сцены и уговорить Есенина оставить зал. Это мне удалось с большим трудом. Мы потеряли случай услышать суждение Есенина о футуризме.

Вернувшись поздно ночью домой, я его застал в состоянии тяжелого опьянения. Он бормотал что-то несвязное.

Частенько он чудачил. Вот случай из множества подобных.

Приморский бульвар. Солнечно, тепло, хотя декабрь на дворе. Бульвар полон гуляющих. Появляется Есенин. Он навеселе. Прищуренно оглядывает публику и замечает двух молодых женщин, сидящих на скамейке. Он направляется к ним, по пути останавливает мальчика — чистильщика сапог, дает ему монету и берет у него сапожный ящик со всеми его атрибутами. С ящиком на плечах он останавливается перед дамами на скамейке, затем опускается на одно колено: — Разрешите мне, сударыни, почистить Вам туфли!

Женщины, зная, что перед ними Есенин, смущены и отказываются.

Есенин настаивает. Собираются любопытные, знакомые пытаются увести его от скамейки, но безуспешно. Он обязательно хочет почистить туфли этим прекрасным дамам...

Я был в это время на другом конце бульвара. Мне сообщили о случившемся. Я подошел и увидел его стоящим на коленях. Толпа любопытных росла.

(Окончание следует.)